

ОТЗЫВ

официального оппонента – доктора философских наук, доцента Корсакова Сергея Николаевича на диссертацию Устинова Олега Александровича на тему: «Антропологические парадигмы в русской философии советского периода (1917-1991 гг.): историко-философский анализ», представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.2 – история философии (философские науки)

Диссертация О.А. Устинова представляет собой самостоятельное комплексное, квалификационное научное исследование, посвященное теме, актуальность которой не вызывает сомнения. Более того, можно сказать, что это – долгожданная диссертация. О.А. Устинов сумел точно почувствовать крупную лакуну в современной историко-философской науке, когда путь развития в России одной из основных философских дисциплин – философской антропологии – до сих пор не был подвергнут комплексному научному исследованию как в хронологическом, так и в содержательном плане. Рано или поздно это бы произошло, но О.А. Устинов сделал это первым, поэтому настоящая диссертация сама по себе имеет веховое, историческое значение.

По существу, мы не имеем на данный момент истории становления философии человека в России за советский период. Разумеется, существует литература о философии человека в дореволюционной России (например, можно вспомнить монографии П.С. Шкуринова, З.А. Каменского и др.). Но в отношении советского периода эти исследования не были продолжены.

Между тем, принципиальная разница в хронологическом плане состоит в том, что, во-первых, в течение XX века происходил процесс институционализации философской антропологии как дисциплины в мировой философии, который завершился только после Второй мировой войны. Впервые в программу Всемирного философского конгресса соответствующая секция была включена только на конгрессе в Венеции в 1958 г. Соответственно, возникает проблема синхронизации изучения формирования философской антропологии в мире и в России, где в советский период обращение к человеку питалось общественно-государственным проектом создания «нового человека», что не могло не влиять и на развитие в философии, как это подробно показывается в диссертации О.А. Устинова.

Во-вторых, важно понимать существенное отличие статуса самой философии как науки в период ее формальной институционализации от общего развития философии с древнейших времен. С появлением в Новое время науки как социального института формирование новой философской дисциплины происходит как встраивание ее в общую систему научного производства. Поэтому для решения задачи изучения развития философской антропологии в России в советский период О.А. Устинову было необходимо увязать этот процесс с изменениями в политическом дискурсе страны и с

появлением необходимых научно-организационных форм, в которых существует научная дисциплина.

На протяжении своей диссертации О.А. Устинов выдвинул целый ряд теоретических положений, которые он подробно и обстоятельно обосновывает во всех главах диссертации с привлечением значительного количества литературных источников. Достоверность обоснования выдвинутых им положений обеспечивается также учетом актуальной литературы по теме диссертации. Вся эта литература относится к последним десятилетиям, когда сам факт теоретического осмысления проблемы человека в советский период был осознан как предмет изучения. Ранее это осознали представители частных наук: историки, психологи, педагоги. Вместе с тем, изучение человека в этих науках развивается под влиянием философских концепций. Поэтому без философского анализа процесса становления теоретического изучения человека здесь не обойтись, и О.А. Устинов выступил здесь пионером. Он привлекает материал по истории частных наук о человеке в советский период в тех случаях, когда это необходимо для решения философских задач и, вместе с тем, для общего осмысления изучения человека в этих науках. Поэтому диссертационное исследование О.А. Устинова в полной мере может быть названо комплексным научным исследованием. Обоснованность и достоверность диссертационного исследования О.А. Устинова повышается тем, что он тщательно проработал литературу по теме в вузовской и региональной научной периодике. Этот аспект фундированности диссертации редок в нашей научной литературе и заслуживает быть отмеченным.

Новизна диссертации обусловлена характером поставленной в ней цели и задач. Поскольку исследование истории формирования философской антропологии в советский период предпринимается впервые, работа не может не иметь недостатков, как и любое новое дело, и соответствующие замечания будут высказаны, как полагается, в конце отзыва. Важнее то, что сам характер этой новаторской работы будит мысль читателя, возбуждает критическое обсуждение, предоставляет те или иные возможные исследовательские ходы, по поводу которых могут существовать различные точки зрения. Такого рода критическое обсуждение, предпринимаемое и в настоящем отзыве, относится не к самой по себе диссертации О.А. Устинова, а к решению сложной проблемы в целом, поднятой в этой диссертации.

О.А. Устинов берет весь советский период в качестве хронологических рамок диссертации, что само по себе является смелым решением и во многом определяет теоретическую значимость его диссертации. Поэтому он должен предложить свое понимание развития изучения человека в советский период в общегосударственном масштабе в его эволюции, выделить этапы этой эволюции (послереволюционный период, период сталинизма, период оттепели, период перестройки), и увязать стадии формирования философской антропологии в России с этими этапами, с политическим контекстом. Он это последовательно делает на протяжении всей диссертации. Этим обусловлено вычленение им отдельных глав в соответствии с изменениями советской

идеологии. Вместе с тем, он учитывает и то общее, что есть в этой идеологии, и что и определяет советский период не просто как хронологический отрезок истории страны, а как особую цивилизационную целостность. Считаю, что только такой подход может быть плодотворным, и составляет одно из условий научности при изучении советского периода.

Столь же новаторским является решение О.А. Устиновым и другого аспекта исследовательской задачи, вытекающей из принятия всего советского периода за хронологические рамки темы. Если бы автор рассматривал развитие в течение всего советского периода, скажем, теории познания или истории философии, не возникало бы специфической трудности, связанной с тем, что данная дисциплина только становится, проходит своего рода «внутриутробный» период, когда сами авторы, писавшие на эти темы, не осознают или не вполне осознают, что их тексты относятся к такому разделу философского знания как философская антропология. Поэтому О.А. Устинов справедливо подчеркивает, что рассматривает философско-антропологические взгляды советских мыслителей вне зависимости от осознания их ими самими в качестве философско-антропологических, и реконструирует самосознание изучаемых им авторов как бы в двойном аспекте: по их отношению к предмету их размышлений – человеку, и по отношению к самому дискурсу, к тому, как он вписывается в интеллектуальные задачи того или иного исторического периода.

Сквозной идеей диссертации О.А. Устинова является критика антропотехнического подхода к человеку. В этой связи возникают сложные проблемы соотношения между аутентичным марксистским проектом человека и его реализацией в СССР, сходство и различие советской антропотехники и прежних и современных бихевиористских стратегий управления людьми в капиталистическом мире. Конечно, задача создания «нового человека» не сводится к антропотехнике и неизбежно встает перед человечеством, пытающимся направлять свою социальную, да и природную эволюцию. В этом смысле большое значение сохраняют идеи советского гуманистического марксизма (в частности, И.Т. Фролова), о которых пишет О.А. Устинов, когда рассматривает научно-организационные формы развития исследований по философии человека в СССР.

Человек: цель или средство социального прогресса – вокруг этой проблемы вращались дискуссии философов и публицистов о мотивах и основаниях самопожертвования личности, вызванные к жизни социалистическим социальным экспериментом. Автор фиксирует специфичность критерия моральности человеческого поступка в советской философии, при которой она определяется его результатом, а не формой, в которой возможно внешне неэтичное поведение, и связывает это с традицией русского марксизма, согласно которой в борьбе с ложной моралью всякое действие морально. Можно сказать, что подобная трактовка морального выбора явилась теоретическим завоеванием советской философии человека. Диссертант критикует этический нигилизм советских философов,

противопоставлявших свой пролетарский гуманизм философии фашизма, рассматриваемой ими как закономерный, суммарный итог развития всей идеалистической антропологии, и противопоставляет советским философам Лукача как мыслителя, якобы осознававшего, но замалчивавшего параллели между советским и немецким политическими режимами. Пример с Лукачем оказывается самоотрицанием мнения автора диссертации потому, что именно Лукач выдвинул тезис об иррационализме буржуазной философии, закономерно приведшем от Шеллинга к Гитлеру.

Серьезной проблемой, поставленной в диссертации О.А. Устинова, является проблема идеала советского человека, коммунистического идеала человека вообще, соотношения в рамках этого идеала самоотверженности и всестороннего раскрытия человека. Проблема эта не имеет однозначных решений, и для ее адекватного осмысления требуется учет опыта всех периодов развития нашей страны, что и стремится сделать О.А. Устинов в своей диссертации.

Весьма важным считаю проведение в диссертации О.А. Устинова мысли о том, что сталинский социализм был реализацией утопии Богданова и именно поэтому носил в самой своей сущности антигуманный характер. Он опирается здесь на результаты кандидатской диссертации историка В.В. Алексеева. В диссертации О.А. Устинова этот вывод играет важную методологическую роль как гипотеза. Диссертант справедливо считает, что в философской основе здесь лежит субъективно-идеалистическая позиция. Конечно, следовало бы обосновать этот вывод и историко-философскими фактами, например, об отношении Сталина к теоретическим спорам Ленина и Богданова. В перспективе желательно предпринять научное обсуждение этого вопроса специалистами. В частности, можно ретроспективно оценить борьбу Ленина со взглядами Богданова как борьбу с технократической утопией. В свете этого становится очевидной теоретическая несостоятельность популярного как в западной, так и в нашей литературе тезиса о «двух Лениных», Ленина «Материализма и эмпириокритицизма» и Ленина «Философских тетрадей», подобного известному тезису о «двух Марксах», Марксе «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и Марксе «Капитала». Как раз аутентичность ленинской реконструкции философских взглядов Маркса обусловила отсутствие в «Материализме и эмпириокритицизме» вульгарно-материалистических тенденций.

Диссертант подробно анализирует воззрения ведущих философшестидесятников, беря их в философско-антропологическом аспекте. Весьма ценным и новаторским считаю трактовку автором диссертации методологии Щедровицкого в качестве субъективно-идеалистической программы, чуждой самой сути научного познания и предполагающей негуманные социальные следствия, приводящие к манипулированию человеческими индивидуальностями. Диссертант также говорит о кантианских в своей основе попытках выделить духовно-нравственную сторону в качестве еще одного самостоятельного начала в человеке наряду с биологическим и социальным, имевших место в период оттепели и перестройки (Дробницкий

и др.) под видом дополнения марксистского определения человека. О.А. Устинов правильно квалифицирует такие попытки как ревизию марксизма в сторону идеалистической антропологии. Можно согласиться с О.А. Устиновым в том, что движение таких мыслителей, как С. Рубинштейн, Мамардашвили и Батищев было не движением от советского марксизма к критическому марксизму, а движением от марксизма как такового к идеализму. Теоретические истоки подобной эволюции верно фиксируются автором диссертации и состоят в перемещении фокуса с приоритетного рассмотрения предметно-деятельностной сущности человека на иные его стороны (например, коммуникационную). Диссертант также совершенно справедливо говорит о существенном влиянии русской религиозно-идеалистической философии на советскую философскую антропологию периода перестройки.

В целом, О.А. Устинов справляется с решением задачи реконструкции философско-антропологического дискурса советского периода, хотя и не без потерь. Своего рода ключом к ее решению он взял мыслеобраз «ищущих марксистов», которые стремились дать гуманистическую интерпретацию марксизма. Думается, что автору диссертации следовало бы четче прописать эту свою мысль в выдвинутых им теоретических положениях как относящуюся к самому замыслу диссертации. Этого не происходит, видимо потому, что теоретические положения относятся к тем или иным конкретным вопросам, а идея об «ищущих марксистах», это такая «задушевная мысль» автора, которую он сам для себя не до конца может отрефлексировать. В результате он за них начинает объяснять, что они «искали». На деле привлечение мыслителей в этот построенный в воображении автора диссертации ряд определяется его собственными симпатиями к ним, а не объективными основаниями. При этом он прорабатывает большой литературный материал, выявляет содержание тех или иных концепций, и с этой стороны его исследование полезно и имеет научный характер. Но с задачей историко-философской реконструкции ему трудно справиться. Скажем, центральная для мыслеобраза «ищущих марксистов» фигура Бухарина. Тезис о том, что политик, заявлявший: «Мы будем штамповать интеллигентов», представлял гуманистическую альтернативу трудно обосновать. Методологически позиции Бухарина в философии были механистическими, а не диалектико-логическими, и поэтому вполне коррелировали с антропотехнической установкой на фабрикацию человека под заданный стандарт. По критериям разделения неомарксизма на гуманистический и структуралистский – Бухарин, скорее, должен быть отнесен к последнему. В своем увлечении фигурой Бухарина О.А. Устинов отличает его идеи от идей, как он пишет, «партийного философа» Деборина, ссылаясь при этом на статью последнего, за которой последовало Постановление ЦК ВКП(б) осудившее взгляды Деборина как раз как антипартийные. Если кто и был партийным философом в то время, то прежде всего, Бухарин. Какие-то гуманистические соображения мы находим только в тюремных рукописях Бухарина, опубликованных уже в 1990-е гг. О.А.

Устинов, включил эти соображения в контекст истории развития философской антропологии, детально проанализировал их, и это составляет заслугу и важный теоретический результат его диссертации. Но понятно, что эти тексты Бухарина никакого влияния на реальный интеллектуальный процесс изучаемого в диссертации О.А. Устинова периода оказать не могли.

Проблема в том, что мы здесь сталкиваемся с весьма распространенным в историко-философской литературе абстрактно-постулятивным подходом. Это не столько недостаток автора диссертации, сколько общая беда. По некоторым критериям, теоретически важным для самого автора в истории подбираются фигуры, сами по себе не имевшие между собой ничего общего. Скажем, в данной диссертации в один ряд так называемых «ищущих марксистов» поставлены Бухарин, Выготский, С. Рубинштейн, Мегрелидзе, то есть лица, не состоявшие между собой ни в какой реальной связи. Но они вычленяются по внешним самому историко-интеллектуальному процессу критериям и постулируются как группа или течение, с которой автор затем работает уже как с реальной. У подобного приема есть своя логика. Автору настоящей диссертации приходится находить этих «ищущих марксистов» «новой волны» в следующие периоды, например, в период оттепели. На материале интеллектуальной истории оттепели тезис о гуманистическом прочтении марксизма обосновывать, конечно, уже легче. Но приверженность абстрактно-постулятивному подходу приводит к тому, что в ряды марксистов зачисляются люди, которые по существу своих теоретических взглядов марксистами не были: Щедровицкий, Зиновьев, Батищев, Дробницкий, Мамардашвили, Арсеньев. При анализе периода перестройки интерпретация текстов большинства активных тогда авторов как представителей гуманистического марксизма выглядит особенно сомнительной в свете их последующей деятельности. О.А. Устинов пишет, что в текстах «ищущих марксистов» обосновывается переход от авторитаризма и даже от тоталитаризма большевиков к демократии. Получается, что истиной поисков «ищущих марксистов» был *капитализм* «с человеческим лицом». Спрашивается, стоило ли им в таком случае «ума искать и ездить так далёко»? Если согласно автору диссертации советская философская мысль периода перестройки освободила гуманизм от политических, идеологических, классовых ограничений, то значит ли это, что, как пишет диссертант, она достигла максимальной степени в развитии идей марксистского гуманизма?

Произвольность конструирования в истории философии теоретического течения, будто бы имевшего место, приводит к тому, что и тезис о преемственности между «ищущими марксистами» отдельных исторических периодов просто постулируется и повисает в воздухе. Мы говорим это не в упрек автору диссертации, а стремимся обратить внимание на сложные методологические проблемы историко-философского исследования, правильная постановка и решение которых помогут на этом пионерском этапе движению новых исследователей темы советской философской антропологии. Эффективным историко-философское

исследование бывает тогда, когда оно реконструирует реально существовавшие группы и течения и показывает ту интеллектуальную борьбу между ними, которая действительно происходила. Конечно, выявлять в интеллектуальной борьбе прошлого философско-антропологический аспект, самими участниками борьбы не осознававшийся, а в последующие периоды осознававшийся, но в специфических формах – весьма сложно, и это невозможно сделать в одной или даже в нескольких диссертациях. Но важно понимать и учитывать указанную методологическую трудность, чтобы повысить качество изучения реального исторического процесса, анализа существовавших в нем групп и течений, не впадать, говоря словами Гегеля, в «рефлексивную историографию», когда мы не столько выявляем смыслы прошлого, сколько применяем его в качестве иллюстрации к нашим наличным представлениям о должном.

На протяжении всей диссертации О.А. Устинов обращается к известной мысли Маркса о сущности человека как совокупности общественных отношений и критикует социоцентризм в понимании человека в советской философии. Из этой критики не вполне ясно, шла ли речь об искажении положения Маркса в советской философии, либо же о неполноте самого этого положения. Диссертант обращает внимание на известные попытки ряда советских философов подчеркивать биологическую сторону человека со ссылками на того же Маркса и расценивает их как прогрессивное явление. Все это требует более обстоятельного разбора и большей четкости оценок. К сожалению, тезис Маркса о совокупности общественных отношений неадекватно понимался как теми, кто его воспроизводил как тезис классика, так и теми, кто на основании этого тезиса обвинял марксизм в игнорировании проблемы человека. В действительности, тезис Маркса показывает совокупность общественных отношений в качестве причины и условия индивидуальной человеческой активности и при углубленном понимании, при котором не только личность, но и человеческий индивид в своем филогенезе и онтогенезе должны быть поняты как по существу своему социальные, вовсе не нуждался в уточнениях за счет подчеркивания роли биологической стороны человека. Автор диссертации касается этого сюжета в связи с ферусами, но здесь требуется большая продуманность и определенность теоретической позиции: что именно данные случаи доказывают – зависимость социализации от биологической природы человека, либо же напротив, то, что в человеке сама биологическая природа приобретает статус вешней пластичной формы по отношению к социальной сущности? Диссертант подробно обращается при решении этого вопроса к теоретическому наследию Ильенкова, который, как известно, постулировал бесперспективность детального изучения биологических структур для постижения сущности человека и его сознания. Согласно позиции Ильенкова именно предметная сущность человека, воспроизводящаяся в совокупности общественных отношений составляет исток способности человеческой индивидуальности к автономному самополаганию.

Весьма интересной является мысль диссертанта о том, что оригинальность советских версий религиозно-идеалистической антропологии связана с инкорпорированием в их содержание отдельных положений марксизма (что весьма успешно происходило, например, у Лосева), и соответственно о том, что отказ от этих влияний в период перестройки и после нее привел к падению теоретической насыщенности этих учений.

Считаю, что диссертация О.А. Устинова имеет большую теоретическую и практическую значимость как точка отсчета в дальнейшей реконструкции философско-антропологического дискурса в советский период в его многозначных взаимосвязях с политическим контекстом и в его взаимодействии с результатами частных наук.

В качестве конкретных замечаний по диссертации могу выделить следующие:

1. Диссертант пишет, что принципиальное методологическое значение для создания его работы имеет концепция парадигм Куна. Можно по-разному относиться к постпозитивистской схеме Куна, но в силу ее принадлежности к общей позитивистской традиции со специфическим для нее пониманием научности, она, как и вообще любые системно-структурные концепции, не может адекватно отображать развивающиеся социокультурные целостности. В реальном тексте диссертации О.А. Устинова на всем ее протяжении имеет место применение метода историко-философской реконструкции идейных позиций и философской борьбы, чем и определяется ее научный характер. Схема Куна не нужна в этой диссертации ни для чего. Если мысленно изъять из вводного раздела диссертации «парадигмы», «матрицы» и «коды», сама диссертация не только ничего не потеряет в научном отношении, но избавится от словесной шелухи.

2. Диссертация страдает общим для почти всей литературы по истории советской философии недостатком: в качестве объекта исследования применительно к периоду 1920-1950-х гг. берутся не тексты философов, а тексты политиков, затрагивавших философские вопросы (Бухарин, Троцкий и др.) и тексты нефилософов, чьи занятия пересекались с философской проблематикой, но не влияли на ход философского процесса в стране (Выготский, Бахтин и др.). В библиографии диссертант перечисляет некоторые публикации философов, но до реального анализа их в самом тексте дело часто не доходит. Реконструкция собственно философской жизни 1920-1950-х гг. требует иного уровня источниковедческой и библиографической работы, которого российская историко-философская наука в целом сейчас не имеет.

3. В отношении советской философии 1970-х – 1980-х гг. диссертант не проводит различия между двумя направлениями в изучении философии человека: философско-антропологическим, представленным прежде всего в Институте философии АН СССР и комплексным исследованием человека, представленным структурами, возглавлявшимися академиком Фроловым. Разграничение это было прямо заявлено Фроловым на страницах «Вопросов философии» еще в 1973 г. Следовало показать сходство и различие двух этих

подходов к проблеме человека, а не смешивать их в один. В результате такого смешения, нечеткости конкретного историко-философского анализа, у диссертанта в число последователей Фролова попадают те, кто работал в других философских традициях, например, последователи Щедровицкого (Розин) и др.

Хочу подчеркнуть, что высказанные замечания не снижают общей высокой оценки диссертации.

Автореферат и публикации полностью отражают содержание диссертации. Диссертация Устинова О.А «Антропологические парадигмы в русской философии советского периода (1917-1991 гг.): историко-философский анализ» полностью соответствует п. 9, 10, 11, 13 и 14 «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор достоин присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 5.7.2 – история философии.

Доктор философских наук
(специальность – 09.00.13
Философская антропология,
философия культуры),
доцент,
ведущий научный сотрудник
сектора истории русской философии,
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Института
философии Российской академии наук,
(Института философии РАН)
109240, г. Москва, ул. Гончарная,
д. 12, стр. 1, ком. 316.
Тел.: (495) 697-91-28,
Электронный адрес:
snkorsakov@yandex.ru

С.Н. Корсаков

20.11.2022 г.

Подпись Корсакова С.Н.
ЗАВЕРЯЮ:
Зав. отделом кадров Института философии РАН И.В. Коваленко